

“НАЧАТЬ ЖИТЬ ОПЫТОМ”: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛУИДЖИ ДЖУССАНИ ДЛЯ ХРИСТИАНСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Михаил ФАДЕЕВ, старший научный сотрудник Центра исследования религии Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (Киев, Украина)

ORCID: 0000-0002-0491-9386
E-mail: m.s.fadzeyeu@npu.edu.ua

“Богословские размышления” № 21, 2018: 219-237

DOI: 10.29357/2521-179X.2018.21.17

Аннотация: В предложенной статье исследуется категория опыта, как она представлена в трудах итальянского священника и педагога Луиджи Джуссани (1922–2005). Автор рассматривает историю и причины обращения Джуссани к данной категории, показывает ее методологические особенности. Особое внимание уделено причинам, которые приводят к редукции христианского опыта. Рассматривается проблема целостности субъекта как одного из необходимых условий для осуществления опыта в процессе познания реальности. Также обозначена связь опыта с проблемой религиозности и религиозного воспитания. Отмечено, что религиозное чувство обладает характеристиками объективного критерия, позволяющими выносить суждение о реальности. Обозначена связь антропологических интуиций Джуссани с антропологией блж. Августина и другими богословами. В целом, сделана попытка показать педагогическую ценность категории опыта в представлении Джуссани для современной христианской педагогики.

Ключевые слова: Опыт, христианский опыт, исходный опыт, религиозное чувство, воспитание, разум, чувства, реальность, педагогическая-антропология Л. Джуссани.

Abstract: The article explores the category of experience as it is proposed by Italian priest and pedagogist Luigi Giussani (1922-2005). The author analyses why and how L. Giussani took an interest in this category, and shows the methodological peculiarity of his approach to it. Furthermore, the article pays specific attention to the reason that can lead to a reduction of the Christian experience. It poses the question of the integrity of the subject as one of the conditions needed in order to experience reality. The article underlines the link between religiosity and religious education. The religious sense is considered here as an objective criterion, capable of judging reality. Giussani's anthropological thought is here connected the anthropology of St. Augustine and other theologians. On the whole, the article shows the pedagogical values of Giussani's views on the category of experience for contemporary Christian pedagogy.

Key words: Experience, Christian experience, original experience, religious sense, education, reason, feeling, reality, pedagogical-anthropology by L. Giussani.

“Путь Господень прост, как путь Иоанна и Андрея, Симона и Филиппа, которые отправились за Христом, — из любопытства и желания. В сущности, и нет иного пути, кроме этого любопытствующего желания, пробужденного предчувствием истины”. (Л. Джуссани)

Введение

Квинтэссенцией целого ряда вызовов, которые сегодня стоят перед христианской педагогикой, на наш взгляд, является проблема реальности Бога, которую очень ясно выразила православный педагог, ровесница XX века и гражданка Америки Софья Куломзина: “Для многих христиан — православных, католиков и протестантов — церковные обряды, нравственные ценности, этнические и национальные традиции более реальны, чем простой факт, что Бог существует, что Его присутствие в нашей жизни ощутимо, что каждый из нас связан с Богом”¹. В контексте этой проблемы мы хотим проанализировать религиозно-воспитательные воззрения итальянского священника и педагога Луиджи Джуссани, который принадлежит к особенно узкому кругу католических священников второй половины XX и начала XXI века, чья деятельность положительно отмечена не только церковноначалием, известными богословами разных конфессий, но также и целым рядом представителей педагогического сообщества. Папы — Павел VI (Paolo VI), Иоанн Павел II (Giovanni Paolo II), Бенедикт XVI (Benedetto XVI) и Франциск (Francesco) публично выражали признательность Л. Джуссани за его работу в молодежной среде. Такие богословы как Ханс Ультрих фон Бальтазар (von Balthasar H.U.), Николаус Лобковиц (Lobkowicz N.), Джон Милбанк (Milbank J.), Анжело Скола (Scola A.), а также отечественный богослов Александр Филоненко указывали на принципы, лежащие в основе деятельности миланского священника, как близкие их богословским интуициям. Такие педагоги как Джордجو Кьоссо (Chiosso G.), Джованни де Луна (De Luna G.), Роберто Сани (Sani R.), Мария Бочи (Bocci M.), Марко Берсанелли (Bersanelli M.) считают, что воспитательное предложение Джуссани способно отвечать на многие современные образовательные вызовы и трудности, связанные с процессом воспитания и социализации. Подтверждение этому можно увидеть в деятельности десятков частных школ, вдохновленных и следующих за харизмой и воспитательным предложением Джуссани². Несмотря на такой интерес к миланскому священнику, его наследие на постсоветском пространстве только в последнее десятилетие стало объектом гуманитарного академического исследования (Дзоффоли С., Филоненко А., Шешенин Р.). В данной работе мы ставим перед собой задачу выявить методологическую особенность предложенной Л. Джуссани концепции опыта, а также показать ее педагогическую ценность в процессе преодоления реду-

¹ Софья Куломзина, “Цели христианского воспитания”. *Православие и мир*. № 12 (2014). <http://www.pravmir.ru/sofya-kulomzina-tseli-hristianskogo-vozpitanija>.

² В Италии существует ассоциация частных школ FOE (Federazione Opere Educative), вдохновленная воспитательным подходом Джуссани, и насчитывающая более 500 школ из Италии и ряда других стран. Официальный сайт FOE, режим доступа: <http://www.foe.it/>.

ций христианского опыта. Поскольку теория Л. Джуссани является результатом его практической педагогики и ответа на конкретные, возникающие перед ним вызовы, то мы считаем необходимым в начале показать три важнейшие причины редукции христианского опыта, с которыми он столкнулся в 50-е годы XX века. Эти три причины мы обозначим как церковно-религиозную, богословскую и антропологическую.

Церковно-религиозная причина

Необходимость обращения к дескрипции категории опыта как антропологического и педагогического концепта была осознана Джуссани в процессе его биографического поворота от богословия к педагогике, случившемся в начале 50-х годов и характеризовался особой озабоченностью молодого священника проблемами религиозной социализации молодежи. Третья четверть XX века — период, когда Л. Джуссани сформулировал свои основные религиозно-воспитательные идеи — в контексте итальянской христианской педагогики представляет собой уникальный феномен. С одной стороны, это было время, когда перед Церковью открылись все двери, от политических до школьных. С другой стороны, к семидесятым годам было уже слишком очевидно, что Церковь не воспользовалась данными возможностями правильным образом. Об этом свидетельствовал стремительный уход молодых людей из сферы церковного присутствия (как из школьных организаций, так и из церковных приходов). Церковь как и общество оказались не готовыми к “молодежному кризису, который начиная с 1958 года стал предметом дискуссий почти всех главных итальянских газет”³. Многие религиозные организации того времени открыто заявляли о том, что ответственность за наступивший кризис лежит на новой культурной установке, ориентированной на гедонистический материализм и секуляризм, который в быстром темпе появившегося в это время рок-н-ролла проникал в Европу из США.

На этом фоне общей растерянности, в ситуации, когда Церковное руководство вместе с неотомистами старалось продолжать политику защиты от “модернизма” и “секулярного мира”, выделялась не только, всем хорошо известная, группа так называемых новых богословов (*théologie nouvelle*), среди которых были Анри де Любак, Жан Даниелу, Мари-Доминик Шеню, Ханс Ульрих фон Бальтазар и др., но и никому тогда еще не известный миланский священник Л. Джуссани, который окончив семинарию в 1945 году, был рукоположен в священники и готовился к карьере богослова. Он оказался одним из немногих священников, которые еще в конце сороковых годов сумели заметить две важнейшие вещи. Во-первых, тот факт, что молодежь врывается на историческую сцену как сильный и по-новому важный “социальный субъект”, а, во-вторых, он сумел признать потерю интереса и экзистенциальной вовлеченности молодых людей по отношению к религиозно-воспитательному предложению Церкви. При первых

³ Giorgio Vecchio, “I cattolici italiani e la questione giovanile negli anni Cinquanta: spunti per una ricerca”, in *Temi e questioni di storia economica e sociale in età moderna e contemporanea*, a cura di A. Carera, M. Taccolini, R. Canetta, (Milano: Studi in onore di Sergio Zaninelli, Vita e Pensiero, 1999), 535-560.

же контактах со старшеклассниками (большинство из которых формально были католиками) Л. Джуссани был поражен отсутствием христианского свидетельства не только в общественной и политической жизни, но даже в их личной повседневной жизни. В одном из своих интервью итальянскому журналисту Роби Ронца Джуссани говорил: “То, что меня поразило больше всего, было то, что почти все ребята были крещены, многие из них приходили в церковь каждое воскресенье, но в своей повседневности жили так, словно бы христианство не имело места там, как будто оно принадлежало другому уровню существования. Уровень, который не имеет ничего общего с жизнью и всеми ее наиболее важными потребностями; с пониманием и ощущением реальности; с необходимостью выносить суждение, отдавать себе отчет о причинах всего того, что обогащает и делает человека более человечным, и что позволяет ему строить свою личность как центр отношений. Вот ко всему этому реальная вера не имела никакого отношения; так что на практике она была никак не связана с тем, что имело какое-либо важное значение в жизни человека”⁴. Эти наблюдения Л. Джуссани становятся отправной точкой к тому, что он в 1953 году оставляет семинарию и начинает преподавать религию в известном лицее Берше (Милан). Работая в лицее, он параллельно включается в организацию деятельности, основанной в 1944 году церковной движением – *Gioventù Studentesca* (Студенческая Молодежь). Это был новый, послевоенный, церковно миссионерский проект, который развивался внутри уже известной на то время структуры *GIAC* (Итальянская молодежь католического действия – ИМКД)⁵. Как пишет историк Марта Бузани, цель этого движения состояла в “собрании вместе студентов, желающих общей работы над формированием собственной личности [...] на основании духовных и католических ценностей [...] и, серьезной подготовки к церковной миссии, понимаемой в качестве социального служения”⁶. Несмотря на эти задачи, движение за семь лет своего существования столкнулось с воспитательным кризисом, а приход к власти в 1948 году Христианских Демократов, которые были внешним свидетельством успеха католической миссии, только усугубил кризис в молодежных приходских и студенческих церковных организациях. Так, в ораториях преобладала атмосфера морализма, а деятельность, в основном, была направлена на привлечение в свои ряды новых членов. Речь идет о том, что христианское предложение в виде катехизаторских курсов и бесед со священниками о вере, становилось все менее востребованным в молодежной среде. На фоне улучшения жизни и антирелигиозной пропаганды, церковное просвещение и призывы к “моральной жизни” убивали в молодых людях желание посещать эти церковные организации. Поэтому, чтобы не терять молодежь указанные организации стали больше делать ставку на развлечение. Молодым людям предлагали поучаствовать в балах, лите-

⁴ Luigi Giussani, *Il Movimento di Comunione e Liberazione. 1954-1986. Conversazioni con Robi Ronza*, (Milano: Bur, 2014), 23.

⁵ “Католическое действие” было основно еще Пием XI как мирянская ассоциация для апостольской миссии в мире.

⁶ Marta Busani, *Gioventù Studentesca. Storia di un movimento cattolico dalla ricostruzione alla contestazione* (Roma: Edizioni Studium, 2016), 31.

ратурных и музыкальных вечерах, поприисутствовать на встречах с интересными людьми, попробовать свои силы в “католических” спортивных соревнованиях. Ситуация в церковных студенческих ассоциациях, согласно Л. Джуссани была не лучше: “Содержание жизни этих ассоциаций сводилось к чистому морализму: вся живая сложность христианского опыта в этих местах сводилась к формальному соблюдению некоторых предписаний. Единичные культурные жесты были вызваны увещанием, напускным энтузиазмом, спровоцированным массовыми праздничными жестами церковной жизни. [...] Причины, по которым они были организованы и на которых были основаны [массовые демонстрации], считались самими собой разумеющимися. Поэтому они становились поверхностными жестами, без воспитательной ценности. Они не являлись результатом воспитания и, следовательно, не способствовали критическому развитию молодежи; и поэтому личность тех, кто участвовал в них, никак не проявлялась, но напротив все больше терялась”⁷. Такая атмосфера в церковной молодежной работе согласно Джуссани, совсем не помогала молодым людям “уловить связь между реальностью христианства и нашей человечностью”⁸.

Богословская причина

На мировоззренческий разрыв между реальностью христианства и человеческой жизнью, также влияла богословская дискуссия вокруг вопроса о естественном и сверхъестественном познании Бога. Речь идет о богословии так называемых поздних схоластов, которые развили идею о том, что человек обладая “чистой природой” (*natura pura*) имеет естественную, то есть в пределах этой земной жизни, цель. А помимо этой естественной цели, существует также и сверхъестественная цель жизни, которая относится к уровню сверхъестественной благодати. Как пишет Анжело Скола, такие “рассуждения в терминах ”природное-сверхприродное” облегчило проникновение в богословие присущего мысли Нового времени дуализма, приведя к тому, что оппозиция разум-вера, стала восприниматься как основная характеристика христианского видения человека и мира”⁹. Особенно это богословие (сверхъестественной благодати и чистой природы) развивалось богословскими воззрениями неосхоластов в процессе защиты от нападков модернистов в конце XIX – начале XX вв.. Важно отметить, что против такого разделения в богословии выступили такие известные церковные деятели как Анри де Любак и другие представители школы *Nouvelle théologie*, богословие которых было признано на Втором Ватиканском соборе, и некоторые труды которых были известны Джуссани еще с семинарских лет. Джуссани привлекал стиль и богословская ориентация этих мыслителей. Он часто предлагал молодым людям

⁷ Луиджи Джуссани, *Движение общности и освобождения* (Москва: Христианская Россия, 1997), 12-13.

⁸ Луиджи Джуссани, *В поисках человеческого лица* (Москва: Христианская Россия, 1997), 103.

⁹ A. Scola, G. Marengo, L. J. Prades, *La persona umana. Antropologia teologica* (Milan, Jaca Book, 2000), 201.

из основанного им движения читать книги этих богословов¹⁰, чтобы утвердить в них ясное понимание того, что вера, которая не имеет реального отношения к повседневной жизни человека — не может претендовать на свое существование в современном мире.

Антропологическая причина

Еще одной причиной, оказавшей наиболее серьезное влияние на современную редукцию христианского опыта, согласно Л. Джуссани является антропологический поворот эпохи Просвещения. Неспособность молодых людей увидеть связь между христианством и жизнью, противопоставление веры и разума — все эти суждения современной “нерелигиозной” антропологии связаны с просвещенческой концепцией познавательной способности человека сведенной только к чистому разуму. Согласно этой концепции, которой с разными нюансами придерживались основные философы эпохи Просвещения, “разум сводится к совокупности категорий, в которые насильственно втискивается реальность: все, что не умещается в эти категории, объявляется иррациональным”¹¹. Такое узкое понимание разума стало главным врагом категории возможности, а следовательно, и веры как феномена, связанного с действием разума¹². Вере как методу познания реальности было отказано в объективности и рациональности. Л. Джуссани считает, что рациональное познание, отказывающееся от веры, и сводящее все познание лишь к работе чистого разума, который через имеющиеся у него понятия определяет реальность, является самой страшной редукцией человека как разумного существа. Такое отношение к реальности через рамку разума, через его меру и является, с одной стороны, главным препятствием человека в признании реальности Бога, с другой стороны лишает его нравственной уверенности в межличностных отношениях, и не позволяет утверждать очевидность и смысл реальности.

Как мы могли увидеть, все три рассмотренные нами причины редукции христианского опыта — церковно-религиозная, богословская и антропологическая — связаны с вопросом о религиозности человека. Теперь интересно посмотреть на то, как Джуссани отвечал на вызов этой редукции. Каким образом он решал поставленную самим же собой задачу — вновь предложить христианский опыт, показывая молодым людям что он соответствует подлинным потребностям разума и сердца каждого человека.

---

¹⁰ Ханс Ульрих фон Бальтазар несколько раз участвовал в молодежных встречах, которые устраивал Джуссани со своими студентами.

¹¹ Дж. Френсис Стаффорд. “Религиозное чувство” в *Религиозное чувство* Луиджи Джуссани (Москва: Христианская Россия, 2000), III.

¹² Л. Джуссани такому секулярному разуму, заключенному в установленные им же самим рамки, противопоставлял религиозный разум, то есть разум как устремленную открытость к всецелостной реальности, как “окно, распахнутое перед всей полнотой реальности”. Такой разум интересуется не только тем, что доступно его сенсорным возможностям, но даже тем, что недоступно непосредственному восприятию.

Интересно то, что Л. Джуссани будучи священником начинает свою реабилитацию христианского опыта не через догматическое богословие и не с прояснения откровения, но через педагогическую антропологию, т.е. через проблему “воспитания человеческого”, “воспитания оригинального человеческого истока”¹³. Для Джуссани разговор о воспитании никогда не сводился только к детям, учителям и школе. Для него это всегда разговор о человеке как таковом: о пути человека в этом мире, о способе его вхождения в отношения с реальностью, с самим собой и с Богом. В связи с этим видится особенным его определение воспитания как “введения во всецелостную реальность”. При этом Джуссани видит реальность и как отправную точку воспитания и как его условие, и вместе с тем, он считает познание всей реальности целью воспитания. Впервые в широком общественном контексте это предложение Джуссани посмотреть на Воспитание как введение в реальность, стало известным после того как его попросили в 1956 г. написать статью о воспитании для католической энциклопедии. В этом тексте он определил воспитание как “Введение во всецелостную реальность”. Введение во всецелостную реальность как цель любого воспитания, включая и религиозное воспитание, – это было вызовом не только для Церкви в послевоенной Италии, но и для философии. Ведь в рамках церковного воспитания отправной точкой было введение в вероучительные и нравственные истины, а в контексте гносеологической парадигмы того времени – центральной интуицией считалась невозможность достичь истины в непосредственном опытном признании реальности. Показательно то, что Джуссани не вел теоретическую дискуссию с идеологами современного ему культурно-философского течения (как это делала позднее Дж. Милбанк и А. Макинтайр). Его больше привлекал библейский подход. Он предлагает тем подросткам и молодым людям, которых он встретил, путь следования и совместную вовлеченность в этот путь. Для него это решение быть всегда рядом с молодыми людьми имело принципиальное значение с педагогической точки зрения. Поскольку, согласно Джуссани, для подлинного воспитания человека необходимы авторитет и община – важнейшие условия для вхождения в реальность. Поскольку Джуссани понимал, что нельзя просто сказать молодым людям, что та модель отношений с реальностью, которую предлагает современный мир для человека является разрушительной, то он считал необходимым начинать разговор с ними через аргументацию привлекательности. Его главный аргумент заключался в том, что если молодые люди попробуют смотреть на реальность не в категориях современной культуры, которая является продолжением антропологического проекта эпохи Просвещения, и в рамках которой признание реальности зависит только лишь от способностей разума, но через предложенный Джуссани *принцип реализма*, то они смогут увидеть ценность такого подхода в опыте конкретного преодоления человеческих проблем и более интенсивного переживания реальности.

Итак, рассмотрим более подробно предложенный Л. Джуссани принцип реализма. Если сразу обозначить его предложение схематично, то мы с одной сто-

¹³ Луиджи Джуссани, *Рискованное дело воспитания*, (Москва: Христианская Россия, 1997), 19.

роны увидим реальность как первичный элемент познания, который всегда является первой данностью, а с другой — субъект познания как рационально-аффективное единство. Третий элемент — это опыт, содержанием которого является отношение между познающим субъектом и реальностью. Мы вначале очень пунктирно обозначим категории реальности и субъекта, а затем подробнее остановимся на категории опыта, и в конце покажем связь опыта и нравственности в познании реальности. Содержанием этих трех элементов является “конечный вопрос” человека о своей судьбе, — ответом на который является Христос. Вся педагогика Джуссани, как мы хотим показать, заключается в культивировании этого вопроса.

Когда Л. Джуссани говорит о реализме, он подразумевает “крайнюю необходимость отдавать предпочтение не какой-либо схеме, находящейся в голове, а целостному, увлеченному, упорному наблюдению за действительностью, реальным событием”¹⁴. Джуссани всегда опирался на максиму Алексиса Карреля из Размышлений об образе жизни: “В изматывающей устроенности современной жизни, притупляющей чувствительность, свод правил, привносящих в жизнь ее содержание, утрачен [...] большая часть испытаний, предназначавшихся для человека самим мирозданием, исчезла, — а вместе с ними исчезло и стремление личности к созиданию... Грань между добром и злом стерлась [...] повсюду царит разброд [...] Недостаток наблюдательности и избыток рассудочности ведут к заблуждениям. Избыток наблюдательности и недостаток рассудочности ведут к истине”¹⁵. Тот факт, что реальность уже есть, что она является первой данностью, является только первым условием реализма, второе условие — это положение, что реальность сама диктует метод своего познания. То есть не разум должен определять, как нужно познавать реальность, но сама реальность, которая провоцирует разум к встрече с ней, подсказывает, как она должна быть познана. Концептуально Л. Джуссани это выражает формулой: “объект диктует метод познания”. Для наглядности приведем пример из его книги “Религиозное чувство”, где он на простом примере объясняет о чем идет речь: “Если бы я делал доклад в аудитории полной народа, сидя за столом, на котором лежит блокнот, который бы я видел краем глаза пока говорю, и если бы я спросил себя что это за белое пятно, — мне могли бы прийти в голову самые разные ответы (растаявшее мороженое, лоскут рубашки и т. д.). Но метод, при помощи которого я могу узнать о чем на самом деле идет речь, — определяется самим объектом. Другими словами, я не мог бы сказать, что предпочитаю рассматривать другой, красный предмет, в глубине зала, или же глаза человека, сидящего в первом ряду: если бы я действительно хотел узнать, что же это за белый предмет, мне невольно пришлось бы склонить голову и внимательно на него посмотреть. Иными словами, метод познания объекта диктуется мне самим объектом, который не может определяться мною. Если бы вместо блокнота, о котором только что шла речь, мы могли предположить, что краем глаза можно было бы увидеть религиозный опыт

¹⁴ Луиджи Джуссани, *Религиозное чувство* (Москва: Христианская Россия, 2000), 6.

¹⁵ Alexis Carrel, *Réflexions sur la conduite de la vie* (Paris: Plon, 1950), 28.

как явление, то и в этом случае следовало бы сказать, что метод его познания должен подсказать он сам”¹⁶. Третьим важным замечанием Джуссани о реальности является утверждение, что с эмпирической точки зрения первичное ощущение человека — это ощущение того, что он находится пред реальностью, которая ему не принадлежит, существует независимо от него и от которой зависит он сам. Он объясняет это следующим примером: “Прежде всего, чтобы объяснить, что я имею в виду, приведу наглядный пример. Представьте себе, что вы родились, вышли из чрева вашей матери в вашем нынешнем возрасте, в смысле развития и сознания, которые можно иметь сейчас. Каким бы было первое, самое первое чувство, то есть первая реакция пред лицом реального? Если бы я впервые в этот момент распахнул глаза, выходя из чрева моей матери, я был бы поражен и удивлен всем как “присутствием”. Я был бы поражен присутствием, которое на общепринятом языке выражено словом “вещь”. Вещи! Какая “вещь”! Это слово является конкретным и, если хотите, банальным вариантом слова “бытие”. Бытие не как абстрактная сущность, а как присутствие, присутствие, которое я не создаю, а нахожу, присутствие, которое явлено мне как данность. [...] Поэтому самое первое ощущение человека — это ощущение того, что он находится пред лицом реальности, которая не принадлежит ему, существует независимо от него, от которой зависит он сам”¹⁷. Согласно Джуссани, в этой фиксации чувства зависимости от реальности¹⁸, которое происходит во встрече с реальностью, выявляются структурные характеристики познающего субъекта. Среди таких характеристик, важнейшей является чувственная сторона субъекта. Утверждая, что без чувств невозможно ни целостное познание реальности, ни обнаружение самого себя как субъекта, Джуссани также делает сильное заявление против современной культуры, пронизанной идеями Просвещения о всеильном разуме. Л. Джуссани старался разными способами показать молодым людям, что человек есть не только его разум (как того требовало картезианское притязание), но аффективно-рациональное единство. Поскольку, если человек сводится только к действию разума, то он неизбежно замыкается в себе. Такой субъект не способен увидеть свою рациональную природу как открытость навстречу реальности, навстречу другому. Сара Дзоффоли показывает закрытость и открытость субъекта в противопоставлении понятий “индивид” и “личность”, где индивид — это человек, сведенный к разуму, а личность, напротив, включает в себе и категорию рациональности и категорию отношения¹⁹. Джуссани хотел показать, что открытость субъекта навстречу реальности, т.е. его способность к отношению с реальностью напрямую зависит от действия чувств.

¹⁶ Джуссани, *Религиозное чувство*, 7.

¹⁷ Там же, 121-122.

¹⁸ Согласно С. Дзоффоли: “Джуссани не принадлежит к числу представителей сенсуализма, а также к числу эмпиристов, утверждающих, что действительность не свидетельствует ни о чем, кроме себя самой. Для него реальность избыточна по отношению к субъекту, ее невозможно вместить в пределы человеческого разума, она всегда чрезмерна, полна открытий, отсылок и нюансов, которые субъект не может включить в заранее установленную схему”, цит по: Сара Дзоффоли, *Проблема человека в католической религиозной и философской традиции*, (канд. дис. филос. наук., Новосибирск, 2015), 121.

¹⁹ Дзоффоли, *Проблема человека*, 18-21.

Человек — это разум и чувства, и без чувств нельзя говорить о целостном отношении с реальностью, поскольку “человек един, а разум — это не механизм, который можно изъять из личности, чтобы заставить действовать его самостоятельно, подобно заводному механизму игрушки. Разум присущ всей целостности нашего “я”, органически связан с ней, — поэтому, если человек испытывает физическую боль или если он выведен из себя и разочарован непониманием со стороны других людей, то он не может успешно использовать разум”²⁰. Таким образом, только чувства в единстве с разумом позволяют признать субъекту свое единство с реальностью как зависимость от нее, и как общую сотворенность, зависимость от Другого: “Самое очевидное во взрослом человеке — это то, что он не создает себя сам. Человек [...] — это тот уровень природы, на котором природа осознает саму себя и понимает что не заключается в самой себе, что ни одна вещь не состоит в самой себе. Именно этот опыт является преддверием открытия факта творения: все сущее сотворено Другим”²¹.

Здесь также важно привести педагогические примеры Л. Джуссани, на основании которых он показывал, что аффективность познающего субъекта — не препятствие для познания реальности, как то считал, например, Декарт, — но заложенный в нас природой элемент, который призван помогать человеку в процессе познания реальности. Джуссани предлагал представить себе, “что мы отдыхаем в горах [...] Я беру бинокль, пробую всмотреться, но ничего не вижу, все смутно, неясно. Я фокусирую линзы — и передо мной предстает необычайная панорама, мне удается различить даже людей, которые катаются на лыжах на вершине... Линза бинокля не создана для того, чтобы препятствовать зрению, но для того, чтобы способствовать ему. А как ему способствовать? Приближая гору Мармолладу к зрачку глаза так, что зрительная энергия моего глаза легче воспринимает ее. Природа сотворила в нашем глазу хрусталик не для того, чтобы воспрепятствовать энергии зрительного нерва воспринимать объект, но для того, чтобы хрусталику было не только возможно, но и легко воспринимать объект. Действительно, хрусталик как будто придвигает к нам объекты, помогая зрительной энергии “захватить” их”. То же самое, согласно Джуссани, справедливо для чувства: “благодаря чувству, объект придвигается к источнику познавательной энергии человека; так разум может познать его с большей легкостью и более достоверно. Следовательно, чувство является важным условием познания; чувство — это существенный фактор видения. Не в том смысле, что оно видит, но в том смысле, что оно является условием, при котором глаз или разум видят согласно своей природе. [...] Проблема не в том, чтобы устранить чувство, но в том, чтобы оно занимало подобающее ему место”²². Итак, Л. Джуссани, во-первых, утверждает, что познающий субъект — это рационально-аффективное единство. Во-вторых, согласно Л. Джуссани, единство познающего субъекта не может быть целостным, если вера отрицается как важнейший элемент рациональной природы человека,

²⁰ Джуссани, *Религиозное чувство*, 29.

²¹ Там же, 89.

²² Там же, 33.

как один из методов познания, который имеет не меньшее значение для жизни человека чем эмпирическое или логико-математическое доказательство. Ведь способ человеческого существования в этом мире свидетельствует о том, что человек без метода веры жить не может. Человек, отрицающий веру как метод познания, как “нравственную уверенность” в другом, не может проехать даже одну остановку на автобусе²³, он не может быть уверен в том, что Америка существует, если сам ни разу там не был. Человек, без веры как метода рационального познания, жить не может. Джуссани сравнивает способ применения метода веры с методом гения или художника, которые от знака приходят к восприятию истины: “Когда Ньютон увидел, как падает всем известное яблоко, это было внешним знаком, благодаря которому возникла великая гипотеза. Маленький знак позволяет гениально одаренному человеку сделать универсальный вывод. Метод, благодаря которому я понимаю, что моя мать любит меня, благодаря которому я уверен, что многие люди — моя друзья, — не устанавливается механически, а интуитивно понимается моим умом как единственно разумный смысл, как единственное основание, подходящее для того, чтобы объяснить сходжение в едином центре определенных “знаков”. Умножайте до бесконечности эти знаки, до сотни, тысячи — их конечный смысл в том, что моя мать любит меня. Тысячи внешних признаков сходятся в этой точке: единственный смысл поведения моей матери в том, что “моя мать меня любит””²⁴.

Таким образом, рациональное измерение человека как динамического единства целого ряда методов разума, среди которых наиболее важный для человеческой жизни это вера, в единстве с аффективной стороной человека являются необходимыми элементами целостности человека. Для Л. Джуссани целостный субъект как единство разума и чувства — совпадает с библейским определением человеческого “Я” как сердца. Сердце в библейской антропологической терминологии — это синтез познавательной способности человека, сердце — это человеческое “Я” в целостности всех его измерений, ищущее Бога.

Теперь мы переходим к рассмотрению третьего элемента методологического предложения Джуссани — к опыту. Принципиальная важность этой категории, как говорит Джуссани, заключается в том, что только в опыте реальность становится очевидной²⁵. То есть, без опыта нельзя говорить о факте познания сознанием реальности и наоборот. Категория опыта для Джуссани имеет интегральную структуру: источник опыта, условия опыта и результат опыта. Джуссани утверждает, что простого факта встречи сознания с реальностью еще не достаточно для

²³ “Теперь представим себе, что мы, двое друзей, стоим на одной и той же остановке автобуса. “Привет!” — “Привет, как дела?” — он садится в автобус, а я остаюсь на остановке. Наконец автобус отправляется, и мой друг, высунувшись из окошка, спрашивает меня: “Почему ты не сел?”. — А я отвечаю: “До тех пор, пока городские власти не будут на каждой остановке научно контролировать психическое и физическое состояние водителя, я в автобус не сяду..”. Чтобы проехать от Миланского собора до Тичинских ворот, такому автобусу понадобится целый год!”. Цит. по: Джуссани, *Религиозное чувство*, 24.

²⁴ Там же, 25.

²⁵ Luigi Giussani, “Vivere la ragione”, *Litterae Communions-Tracce*, N. 8, (1996), 1.

рождения опыта. Такое суждение Джуссани так же является вызовом, брошенным современной культуре, в понимании которой даже простой контакт с реальностью уже является опытом. В современной трактовке, “человек с богатым опытом” — это тот, кто накопил очень много встреч, событий, ощущений и т.д. Для Джуссани такое механическое установление отношений с реальностью, — беспорядочное накопление информации в результате встречи с реальностью, — не является опытообразующим процессом, а во многих случаях и вовсе является серьезным препятствием в процессе воспитания, поскольку не способствует росту личности. В противоположность такому видению, Джуссани характеризует опыт как, в первую очередь, связь с пониманием предмета, т.е. умением открыть его смысл и ценность для своей собственной жизни. Открытие смысла и ценности встреченной реальности непосредственно связано с необходимостью “выносить суждение”.

Суждение как действие сознания, согласно Л. Джуссани, характеризуется наличием критерия, на основании которого выносится суждение. Критерии суждения могут быть разнообразными. Для Л. Джуссани очевидно, что человек может последовать любому критерию — это вопрос его свободы, т.е. личного выбора. С педагогической точки зрения, здесь появляется проблема риска, о которой Джуссани подробно говорит в своей книге “Рискованное дело воспитания”. Если предельно обобщить тезис Л. Джуссани, то можно сказать, что критерий обнаруживается в двух позициях: или вне нас или внутри нас. Это распутье, — главный выбор человеческой свободы, — Л. Джуссани видит, как основное пространство борьбы с идеологией, что на языке Библии означает борьбу с “князем мира сего” (Ин. 14:30)²⁶. Если человек признает критерием суждения об истинном смысле себя и вещей внешний авторитет, будь-то мысль философа или лента новостей из телевизора, то он уже тем самым обрекает себя на роль раба, следующего за чужим мнением и чужим интересом. Даже если критерием становятся церковные установления или слова священника, то это также ведет к идеологической форме следования, основанной на чувстве страха, открывающей дорогу формализму и морализму. Человек, который воспринимает реальность через церковные установления как свод неких правил, всегда будет принимать позицию защиты и закрытости по отношению к реальности. Другой позицией является утверждение, что критерий внутри нас. Если это действительно так, то получается, что человек судья и сам себе и реальности, и у каждого человека “своя правда” и т.п. На это Джуссани отвечает, что если критерий суждения понимать в свете того, что человек сам является творцом этого критерия, то это снова путь идеологии, только уже личной, то есть путь анархизма. Такая радикальная субъективация, в рамках которой критерием чаще всего являются эмоции и поверхностные впечатления, Джуссани считал необъективным критерием и противопоставлял ему соображения другого толка. Его позиция строилась на наблюдении того факта, что “человек, прежде чем существовать, не существовал, и он не может

²⁶ Об этом подробнее см. в книге Луиджи Джуссани, *Я, власть, дела. Размышления, почерпнутые из опыта*, (Москва, 2004).

сформулировать сам для себя критерий суждения. Он в любом случае “дается”. Итак, если этот критерий нам присущ, если он внутри нас, это еще не означает, что его источник — мы сами: он черпается из нашей природы, то есть дается нам от природы”²⁷ (причем под природой он имеет в виду Бога). В чем же тогда заключается этот данный нам объективный критерий для оценки реальности? Джуссани говорит, что критерием является “исходный опыт”. Мы уже говорили ранее, что разум человека есть “открытая устремленность навстречу реальности”. Следуя этой изначальной данности, Л. Джуссани утверждает, что “исходный опыт есть ум в действии в его сущности”²⁸, т.е. в своей природной вопрошающей интенциональности. Исходный опыт (в отношении познания человеком самого себя, Л. Джуссани часто заменяет понятием “религиозное чувство” или библейским — “сердце”²⁹) — это “совокупность потребностей и очевидностей, сопровождающих человека в сравнении со всем сущим. Природа вовлекает человека во всеобъемлющее сопоставление себя с самим собой, с другими, со всем окружающим, наделяя нас орудием этого всеобъемлющего сравнения — совокупностью изначальных потребностей и очевидностей, настолько первичных, что все, что человек говорит или делает, зависит от них. Их можно было бы назвать по-разному, по-разному определить (например: потребность (во всецелостном смысле реальности) в счастье, потребность в истине, потребность в справедливости и т. д.). В любом случае они подобны искре, приводящей в движение человеческий двигатель; до них не существует никакого движения, никакой человеческой динамики. Любое утверждение личности, от самого банального и повседневного до самого взвешенного и богатого последствиями, может произойти только на основе этих изначальных очевидностей и потребностей”³⁰. Таким образом, Л. Джуссани показывает объективность этого критерия, опираясь на факт его “онтологической” данности и присущности всем людям. Следовательно, любой человеческий опыт, чтобы быть таковым, должен пройти через фильтр исходного опыта, на основании которого человек выносит суждение о реальности, что тождественно утверждению смысла реальности. Согласно Л. Джуссани этот смысл “не устанавливается механически, но интуитивно понимается человеческим умом как единственно разумный смысл, как единственное основание, подходящее для того, чтобы объяснить сходение в едином центре определенных “знаков””³¹. То есть разум “интуитивно улавливает” смысл реальности по тем признакам или “знакам”, которые диктует попавший в поле зрения человеческого сознания объект реальности. Только в результате сопоставления всех знаков, которое человек совершает благодаря исходному опыту,

²⁷ Там же, 9.

²⁸ Там же, 101.

²⁹ “... с сердцем я отождествляю то, что назвал исходным опытом: то есть, нечто, что стремится выразить в полной мере изначальный порыв, с которым человеческое существо устремляется к реальности, пытаясь вжиться в нее путем осуществления замысла, который диктует самой реальности идеальный образ, пробуждающий человека изнутри” цит. по: Джуссани. *Религиозное чувство*, 12.

³⁰ Там же, 10.

³¹ Там же, 25.

он утверждает единственно разумный смысл “объекта” или происходящего “события”. Чтобы прояснить природу знака молодым людям, Джуссани приводил пример мамы с ребенком. Все те действия, которые мама проявляет по отношению к своему ребенку: заботится о нем, кормит его, внимательна к его жизни, улыбается ему и т.д. — это все есть определенного рода “знаки”. Л. Джуссани говорит, что эти знаки можно умножать до бесконечности, но их конечный смысл в том, что мама любит ребенка. В этом отношении, смысл отдельной данности (например: мама кормит ребенка) обретается только в том случае, если разум делает работу соотнесения с целостной данностью (мама любит ребенка).

Важнейшим следствием акта утверждения смысла реальности, Л. Джуссани считал неожиданное открытие ее ценности. Это двойственное, взаимосвязанное измерение опыта в виде “утверждения смысла реальности и открытия ее ценности”, Джуссани иллюстрировал на примере собачки, которая “может тереться о машину, не улавливая ее смысла, то есть ценности ее использования, ее предназначения; так и человек мог бы так же играть с машиной, не владея ею. Но он и не был бы способен владеть ею, если бы не уловил ее смысл. До тех пор пока смысл какого-либо явления скрыт от нас, оно остается нам чуждым”³², т.е. непонятым и тем самым обесцененным. Л. Джуссани также отмечает, что если разум человека становится неспособным открыть объективный смысл предметов, то он теряется от растерянности и неуверенности в реальности, как видно на примере о смышленном ребенке, который “войдя в комнату, видит на столе большой будильник. Ребенок смышлен и любопытен, поэтому он хватается будильник и постепенно полностью его разбирает. Наконец, перед ним лежат пятьдесят, сто деталей. Наш малыш сообразителен, но тут он теряется и плачет: весь будильник перед ним, но будильника больше нет; ребенку не хватает общей идеи, чтобы собрать его”³³. Все эти примеры рисуют нам ясную картину того, что “опыт — это фундаментальный метод, посредством которого природа позволяет развиваться сознанию и личности человека. Поэтому нет опыта, если в нем человек не способен расти”³⁴.

Таким образом, на основании проделанного анализа мы попробуем кратко определить главный тезис Л. Джуссани относительно категории опыта. Опыт, по Л. Джуссани, рождается только в результате встречи субъекта (как рационально-аффективного единства) с открывающейся ему реальностью (как дара), при условии “интуитивного” вынесения суждения посредством религиозного чувства (исходного опыта). Как мы видим, данное определение еще ничего нам не говорит о религиозном опыте. Однако, согласно Л. Джуссани, и опыт познания мира (показанный нами выше), и опыт познания человеком самого себя основаны на исходном опыте. При чем, в восприятии Л. Джуссани, исходный опыт как потребность в ответе на такие вопросы как: “каков конечный смысл существования? Почему существует страдание, смерть, зачем, в сущности,

³² Там же, 96.

³³ Джуссани. *Рискованное дело*, 81.

³⁴ Luigi Giussani, *Il cammino al vero un'esperienza* (Torino, 1995), 97.

стоит жить?” совпадает с подлинной религиозностью, которая присуща любому человеку. В текстах Джуссани исходный опыт и религиозный опыт часто выступают как синонимы. Можно даже сказать, что для Л. Джуссани любой опыт является религиозным или это еще не опыт. Поэтому религиозное чувство, понятое как исходный опыт, как исходные потребности сердца, является онтологическим единством человеческого и религиозного опыта. Это единство принципиально, поскольку благодаря религиозному чувству, позволяющему опыту осуществиться, преодолевается разрыв между религиозным и секулярным, что подразумевает восприятие в единстве – реальности, разума (рационально-аффективное единство) и веры как органического целого. Такая сильная реалистическая методология, согласно Джуссани, вводит человека в самое сердце христианского опыта, к рассмотрению которого мы и переходим.

Для начала необходимо указать несколько важных источников, лежащих в джуссаниевской теории религиозности и религиозного чувства. Здесь можно видеть еще школьные антропологические открытия Л. Джуссани, основанные на поэтическом творчестве итальянского поэта Джакомо Леопарди. Юный Л. Джуссани в вопрошаниях “блуждающего пастуха”, или в обращении Леопарди “к одной Женщине”³⁵ слышал голос своей собственной человеческой природы, наполненной тоской и вопросами о смысле себя и мира. Эти вопросы сопровождали Л. Джуссани всю его жизнь. Открытие этих вопросов и обучение в окружении великой плеяды миланских богословов, которые как вспоминал сам Л. Джуссани: “сделали для меня экзистенциально живой фигуру Христа. Глубокое убеждение, что Христос пребывает в центре человеческой истории и личной истории каждого”³⁶. Будучи молодым богословом, Л. Джуссани смог утвердиться в своих интуициях о религиозном чувстве и “Христе как центре космоса истории” благодаря исследованиям таких богословов как Жан Даниэлу и Анри де Любак. Особое внимание Джуссани обращал на работу 1956 года “Бог и мы” Жана Даниэлу³⁷. Интересные идеи он находил в работах доминиканского богослова Корнелия Фабро, который в неотомистском ключе размышлял о рациональных основаниях религиозности в дофилософском измерении человеческого бытия. Но, пожалуй, наибольшее влияние в процессе написания первых работ о “Религиозном чувстве” оказал архиепископ Джованни Монтини – будущий Павел VI. Именно Монтини был одним из первых церковных иерархов, который увидел практическую ценность “религиозного чувства” для реабилитации веры в современном мире и, несмотря на то, что использованное им понятие имело еще очень сильный привкус модернизма, он не побоялся назвать им свое пастырское послание 1957 года. Спустя полгода Л. Джуссани, продолжая и углубляя интуиции своего епископа, издал свой вариант “Религиозного чувства”. Нельзя не сказать, что работа Л. Джуссани, как и многие идеи

³⁵ См.: Джакомо Леопарди, *Поэзия* (Москва: Наука, 2003), XVIII.

³⁶ Джуссани, Я, *власть, дела*, 220.

³⁷ Jean Daniélou, *Dieu et nous*. (Editions Bernard Grasset, 1956), пер. с фр. Г. Смирнова, под ред. А. Мосина в *Символ* №40, (декабрь 1998).

вышеперечисленных богословов, имеет тесную связь с традицией блаженного Августина. Можно видеть схожие параллели антропологических интуиций Л. Джуссани, с богословской антропологией блаженного Августина, который в своей знаменитой исповеди, обращаясь к Богу говорил: “Quia fecisti nos ad te et inquietum est cor nostrum, donec requiescat in te” (Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе)³⁸. В свете этого, можно говорить о том, что как для блж. Августина, так и для Л. Джуссани сердце человека религиозное чувство является подлинной позицией существования, как интенционального вопрошания о смысле и судьбе. Отсюда следует “главная задача истинного воспитания – воспитать сердце человека так, как создал его Бог”³⁹, т.е. в отношении с реальностью через устремленное вопрошание разума, другими словами, – через исходные потребности. С самого начала своей воспитательной деятельности с молодежью он не переставал говорить: “Я здесь не для того, чтобы вы усвоили те идеи, которые я вам излагаю, а для того, чтобы научить вас методу, который позволит вам вынести суждение о том, что я вам буду рассказывать. То, что я вам буду рассказывать, это опыт, накопленный в результате длительного пути – истории в две тысячи лет”⁴⁰. В такой воспитательной перспективе, которую рисует Л. Джуссани для того, “чтобы встретить Христа мы должны серьезно поставить вопрос о нашей человечности. Прежде всего, мы должны открыться самим себе, то есть живо обнаружить в себе наш опыт, с симпатией посмотреть на то человеческое, что есть в нас; мы должны принять во внимание то, чем мы действительно являемся. Должны... серьезно отнестись ко всему тому, что мы испытываем, открывать в этом все аспекты и искать в них всё их значение”⁴¹. Именно в такой позиции, когда человек ожидает, всем своим существом чувствует нехватку и желание смысла себя, мира и истории – Христос настаивает человека. Для Джуссани аксиоматической стала максима протестантского теолога Р. Нибура: “Нет ничего более неправдоподобного, чем ответ на незаданный вопрос”⁴². Если говорить с позиции христианской педагогики, то этот тезис принципиален для поставленной, в начале работы, проблемы о реальности Бога. Ведь если Христос не открывается человеку как ответ на его религиозное чувство, как ответ на проблему его человечности, то сердце человека останется глухо к Его слову и присутствию. Такой Христос будет иметь отношение к будущей жизни, но не к этой. В своей книге “У истоков христианского притязания” Джуссани говорит о том, что “Невозможно полностью осознать то, что хочет сказать Иисус Христос, если мы прежде хорошо не осознаем природу того динамизма, который делает человека человеком. Ведь Христос предлагает Себя как ответ на то, что такое “я”, и только внимательное, а также нежное и страстное осознание себя самого может распахнуть и расположить меня к признанию Христа,

³⁸ Августин Аврелий блж., *Исповедь*, XIII, 11.

³⁹ Джуссани, *Рискованное дело*, 19-20.

⁴⁰ Там же, 24.

⁴¹ Луиджи Джуссани, *Путь к истине является опытом* (Москва: Христианская Россия, 2006), 66.

⁴² Reinhold Niebuhr, *Il destino e la storia. Antologia degli scritti*. (Milano: BUR, 1999), 66.

восхищению Им, благодарению и жизни в Нем. Без этого сознания даже имя Иисуса Христа становится всего лишь именем⁴³. В такой перспективе Джуссани не переставал указывать на “религиозное чувство” как инструмент проверки подлинности встречи с “христианским событием”. Следствием подлинной встречи человека со Христом является обретение опыта соответствия, “соответствия веры основополагающим и исконным потребностям сердца каждого человека, одинаковым для всех: потребности в истине, красоте, благе, справедливости, любви, полном удовлетворении собой, в котором, как я часто подчеркиваю в разговорах с ребятами, выявляется то же содержание, что и в слове “совершенство” (латинское *satisfacere*, или *satisfieri*, – “удовлетворять” – аналогично термину *perficere*, “совершенство”: совершенство и удовлетворение суть одно, как счастье и вечность”⁴⁴. Поэтому, если Христос присутствует, то мы можем признать Его не в силу наших или чужих слов, но благодаря Его присутствию в настоящем, которое признается через опыт соответствия ожиданиям человеческого сердца. Человек достигший такого опыта, узнаёт себя в словах римского ратора Мария Викторина: “Когда я встретил Христа, я открыл в себе человека”. Именно, в силу этого можно утверждать, что современность Христа сегодня – это факт иной человечности, когда “человек встречается с иной человечностью и обретает новое ощущение жизни [...]. Встреча человека с иной человечностью – это что-то наипростейшее, совершенно элементарное, что предшествует всему – какому бы то ни было учению, размышлению или логическому анализу: иная человечность не нуждается в объяснениях, её нужно только увидеть, заметить – и от этого рождается изумление, рождается движение души, и рождается призыв, призыв следовать в силу соответствия увиденного ожиданиям, составляющим сердце”⁴⁵.

Заключение

Таким образом, опираясь на проделанный анализ и отвечая на заданный в начале работы вопрос, можно сказать, что перед христианской педагогикой стоит задача – научить молодых людей жить опытом, поскольку только в опыте выявляются причины, которые объясняют разумность следования сегодня за событием Христа, предшествующему всякому делению людей на религиозных и нерелигиозных. Именно принятие этого события возрождает или усиливает первоначальное чувство зависимости от реальности, то есть ту изначальную объективную данность, которую Луиджи Джуссани называет “религиозным чувством”.

⁴³ Luigi Giussani, *All'origine della pretesa cristiana*, (Milano: Rizzoli, 2011), 3.

⁴⁴ Джуссани, *Рискованное дело*, 25.

⁴⁵ Luigi Giussani, “Qualcosa che viene prima”, *Tracce Litterae Communionis*, N. 10, (2008), 1-6.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аврелий, Августин блж. *Исповедь*, XIII, I 1.
- Дзоффоли, Сара. *Проблема человека в католической религиозной и философской традиции*. Дис. канд. филос. наук, Новосибирск, 2015.
- Джуссани, Луиджи. *В поисках человеческого лица*. Москва: Христ. Россия, 1997.
- Джуссани, Луиджи. *Путь к истине является опытом*. Москва: Христ. Россия, 2006.
- Джуссани, Луиджи. *Религиозное чувство*. Москва: Христ. Россия, 2000.
- Джуссани, Луиджи. *Рискованное дело воспитания*. Москва: Христ. Россия, 1997.
- Джуссани, Луиджи. *Я, власть, дела. Размышления, почерпнутые из опыта*. Москва, 2004.
- Куломзина, Софья. “Цели христианского воспитания”. *Православие и мир*. № 12. (2014). <http://www.pravmir.ru/sofya-kulomzina-tseli-hristianskogo-vozpitanija> (дата обращения (30.05. 2018)).
- Леопарди, Джакомо. *Поэзия*. Москва: Наука, 2003.
- Стаффорд, Джон Френсис. “Религиозное чувство”. В *Религиозное чувство* Луиджи Джуссани. Москва: Христианская Россия, 2000.
- Busani, Marta. *Gioventù Studentesca. Storia di un movimento cattolico dalla ricostruzione alla contestazione*. Roma: Edizioni Studium, 2016.
- Carrel, Alexis. *Réflexions sur la conduite de la vie*. Paris: Plon, 1950.
- Danielou, Jean. *Dieu et nous*. Editions Bernard Grasset, 1956. Пер. с фр. Г. Смирнова.

BIBLIOGRAPHY

- Avrelij, Avgustin blzh. *Ispoved'*, XIII, I 1.
- Dzoffoli, Sara. “Problema cheloveka v katolicheskoj religioznoj i filosofskoj tradicii”: dis. kand. filoz. nauk, Novosibirsk, 2015.
- Giussani, Luidzhi. *V poiskah chelovecheskogo lica*. Moskva: Hrist. Rossija, 1997.
- Giussani, Luidzhi. *Put' k istine javljaetsja opytom*. Moskva: Hrist. Rossija, 2006.
- Giussani, Luidzhi. *Religioznoe chuvstvo*. Moskva: Hrist. Rossija, 2000.
- Giussani, Luidzhi. *Riskovannoe delo vospitanija*. Moskva: Hrist. Rossija, 1997.
- Giussani, Luidzhi. *Ja, vlast', dela. Razmyshlenija, pocherpnutyje iz opyta*. Moskva, 2004.
- Kulomzina, Sof'ja. “Celi hristianskogo vospitanija”. *Pravoslavie i mir*. № 12. (2014). <http://www.pravmir.ru/sofya-kulomzina-tseli-hristianskogo-vozpitanija> (data obrashhenija (30.05. 2018)).
- Leopardi, Dzhakomo. *Poezija*. Moskva: Nauka, 2003.
- Stafford, Dzhon Frensis. “Religioznoe chuvstvo”. V *Religioznoe chuvstvo* Luidzhi Dzhussani. Moskva: Hristianskaja Rossija, 2000.
- Busani, Marta. *Gioventù Studentesca. Storia di un movimento cattolico dalla ricostruzione alla contestazione*. Roma: Edizioni Studium, 2016.
- Carrel, Alexis. *Réflexions sur la conduite de la vie*. Paris: Plon, 1950.
- Danielou, Jean. *Dieu et nous*. Editions Bernard Grasset, 1956. Пер. с фр. Г. Смирнова, под. ред. А. Мосина *Символ*, №40, (декабрь 1998).
- Giussani, Luigi. *All'origine della pretesa cristiana*. Milano: Rizzoli, 2011.

- нова, под. ред. А. Мосина *Символ*, №40, (декабрь 1998).
- Giussani, Luigi. *All'origine della pretesa cristiana*. Milano: Rizzoli, 2011.
- Giussani, Luigi. *Il cammino al vero è un'esperienza*. Torino, 1995.
- Giussani, Luigi. *Il Movimento di Comunione e Liberazione. 1954-1986. Conversazioni con Robi Ronza*. Milano: Bur, 2014.
- Giussani, Luigi. *Un avvenimento di vita cioè una storia*. Roma/Milano: Il Sabato, (1993).
- Giussani, Luigi. "Vivere la ragione". *Litterae Communionis-Tracce*, N. 8, (1996).
- Giussani, Luigi. "Qualcosa che viene prima". *Tracce Litterae Communionis*, N. 10, (2008).
- Niebuhr, Reinhold. *Il destino e la storia*. Antologia degli scritti. Milano: BUR, (1999).
- Scola A., Marengo G., Prades Lopez J. *La persona umana. Antropologia teologica*. Milan, Jaca Book, (2000).
- Vecchio, Giorgio. "I cattolici italiani e la questione giovanile negli anni Cinquanta: spunti per una ricerca". In *Temi e questioni di storia economica e sociale in età moderna e contemporanea*, a cura di A. Carera, M. Taccolini, R. Canetta. Milano: Studi in onore di Sergio Zannelli, (1999).
- Giussani, Luigi. *Il cammino al vero è un'esperienza*. Torino, 1995.
- Giussani, Luigi. *Il Movimento di Comunione e Liberazione. 1954-1986. Conversazioni con Robi Ronza*. Milano: Bur, 2014.
- Giussani, Luigi. *Un avvenimento di vita cioè una storia*. Roma/Milano: Il Sabato, (1993).
- Giussani, Luigi. "Vivere la ragione". *Litterae Communionis-Tracce*, N. 8, (1996).
- Giussani, Luigi. "Qualcosa che viene prima". *Tracce Litterae Communionis*, N. 10, (2008).
- Niebuhr, Reinhold. *Il destino e la storia*. Antologia degli scritti. Milano: BUR, (1999).
- Scola A., Marengo G., Prades Lopez J. *La persona umana. Antropologia teologica*. Milan, Jaca Book, (2000).
- Vecchio, Giorgio. "I cattolici italiani e la questione giovanile negli anni Cinquanta: spunti per una ricerca". In *Temi e questioni di storia economica e sociale in età moderna e contemporanea*, a cura di A. Carera, M. Taccolini, R. Canetta. Milano: Studi in onore di Sergio Zannelli, (1999).